

УДК 343

***ФИКТИВНОЕ БАНКРОТСТВО КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ***

Фендрикова Е.В.

студентка,

Юридический институт НИУ «БелГУ»,

Белгород, Россия¹

Аннотация

В статье исследуется проблема фиктивного банкротства как угрозы экономической безопасности с уголовно-правовой позиции. Целью работы является анализ состава преступления, предусмотренного ст. 197 УК РФ, и выявление пробелов в правовом регулировании, препятствующих эффективному противодействию. В результате установлено, что оценочный характер признаков состава и сложность современных схем искусственного банкротства снижают эффективность нормы. Сделан вывод о необходимости конкретизации диспозиции статьи и усиления превентивного финансового контроля для нейтрализации данной экономической угрозы.

Ключевые слова. Фиктивное банкротство, экономическая безопасность, уголовная ответственность, неплатежеспособность, злоупотребление правом, институт банкротства.

***FICTITIOUS BANKRUPTCY AS A THREAT TO ECONOMIC
SECURITY: CRIMINAL LAW ASPECT***

Fendrikova E. V.

---

¹ *Научный руководитель: Шумилина О. С., к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и процесса Юридический институт НИУ «БелГУ», Белгород, Россия*

*student,
BelSU Law Institute,
Belgorod, Russia*²

Abstract

The article examines the problem of fictitious bankruptcy as a threat to economic security from a criminal law perspective. The purpose of the work is to analyze the corpus delicti provided for in Article 197 of the Criminal Code of the Russian Federation and identify gaps in legal regulation that hinder effective counteraction. As a result, it was found that the evaluative nature of the composition features and the complexity of modern artificial bankruptcy schemes reduce the effectiveness of the norm. It is concluded that it is necessary to specify the disposition of the article and strengthen preventive financial control to neutralize this economic threat.

Keywords. Fictitious bankruptcy, economic security, criminal liability, insolvency, abuse of law, bankruptcy institution.

Актуальность исследования феномена фиктивного банкротства обусловлена его трансформацией из единичных случаев злоупотребления правом в системную практику, подрывающую основы экономической стабильности. Институт несостоятельности, изначально созданный как цивилизованный механизм разрешения кризиса неплатежей и санации экономики, всё чаще эксплуатируется в противоправных целях. Искусственное создание признаков неплатежеспособности для незаконного списания долгов и вывода активов наносит масштабный ущерб не только частным кредиторам, но и публичным интересам, связанным с устойчивостью

---

² *Scientific supervisor: Shumilina O. S. Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, BelSU Law Institute, Belgorod, Russia*
Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

гражданского оборота и наполняемостью бюджета. В этой связи уголовно-правовое противодействие данному деянию приобретает характер стратегической задачи в рамках обеспечения национальной экономической безопасности.

Экономическая безопасность как состояние защищённости национального хозяйства от внутренних и внешних дестабилизирующих факторов предполагает устойчивость финансовой системы, институтов доверия и конкурентной среды. Фиктивное банкротство, будучи классическим экономическим преступлением, воздействует на все эти элементы, что определяет его комплексную общественную опасность. Вредоносность данного деяния проявляется на нескольких взаимосвязанных уровнях.

На микроуровне причиняется прямой имущественный ущерб кредиторам – контрагентам, финансовым организациям, работникам, лишившимся заработной платы. Подрывается фундаментальный принцип гражданского оборота – надёжность и исполнение обязательств, что ведёт к цепной реакции недоверия в отдельных секторах экономики.

На мезоуровне происходит дискредитация самого института банкротства. Добросовестные участники рынка начинают воспринимать процедуру несостоятельности не как легальный механизм оздоровления, а как инструмент мошенничества, что блокирует его позитивное применение и сводит на нет восстановительную функцию.

На макроуровне кумулятивный эффект от множества актов фиктивного банкротства ведёт к искусственному изъятию значительных активов из легального оборота, сокращению налоговых поступлений и увеличению системных рисков для кредитно-финансовой системы.

Криминологическую специфику преступления определяют его высокая латентность и интеллектуальный характер. Оно совершается

подготовленными субъектами, использующими сложные, зачастую межюрисдикционные схемы. В их арсенале – создание сети лжепредприятий-контрагентов для генерации фиктивной задолженности, проведение сделок по отчуждению активов по заниженной стоимости, преднамеренное искажение бухгалтерской и управленческой отчетности. Такая деятельность нередко маскируется под формально корректные хозяйственные операции, что существенно затрудняет как её оперативное выявление, так и последующую юридическую квалификацию.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 197 УК РФ «Фиктивное банкротство» [6], выступает установленный законодательством порядок регулирования процедуры несостоятельности (банкротства). В качестве дополнительного объекта правовой защиты закономерно рассматриваются охраняемые законом имущественные интересы кредиторов.

Объективная сторона состава выражена в альтернативных деяниях: заведомо ложном объявлении о своей несостоятельности руководителем или собственником коммерческой организации либо индивидуальным предпринимателем. Ключевым и наиболее проблемным для правоприменения является оценочный признак «заведомо ложное объявление». Действующая редакция нормы не содержит легального определения или исчерпывающего перечня действий, образующих этот признак. Правоприменительная практика и доктрина относят к ним сокрытие имущества, его отчуждение без соразмерного встречного предоставления, фальсификацию учётных документов, искусственное создание кредиторской задолженности через подконтрольные структуры.

Согласно методическим рекомендациям по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства, утверждёнными ФССП России от Дневник науки | www.dnevnika.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

15.04.2013 № 04–4 трактовка признака «заведомости» следующая [2]. Заведомо ложное публичное объявление о несостоятельности – это совершенное в публичном месте (например, в средствах массовой информации, в арбитражном суде) сообщение (устное, письменное) о своем банкротстве, которое не соответствует действительности, так как лицо на самом деле является платежеспособным и обладает возможностью в полном объеме удовлетворить требования кредиторов.

В данном случае требуется не только доказать факт искажения информации, но и убедительно продемонстрировать причинно-следственную связь между умышленными действиями (бездействием) должника и возникшей финансовой несостоятельностью, отделив их от последствий обычных рыночных рисков или ошибок управления.

Так же, как и при преднамеренном банкротстве (ст. 196 УК РФ), для определения признаков фиктивного банкротства проводится соответствующая экспертиза или иная проверка.

Деяние является оконченным в момент причинения крупного ущерба кредиторам. В соответствии с примечанием к ст. 169 УК РФ [6], под крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей, особо крупным - шесть миллионов рублей.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в виде прямого умысла. Лицо осознает, что публично объявляя о своей несостоятельности, является платежеспособным, предвидит возможность или неизбежность причинения крупного ущерба кредиторам и желает этого.

Целями совершения данного преступления являются: приостановление процедуры взыскания на свое имущество, введение в заблуждение кредиторов

для получения отсрочки, рассрочки или скидки с причитающихся им платежей и т.д.

Субъект преступления специальный, ими являются руководитель или учредитель (участник) юридического лица, а также индивидуальный предприниматель, достигшие возраста 16 лет. Данное ограничение порождает проблему при квалификации действий так называемых «фактических владельцев» бизнеса, которые, не занимая формальных должностей, отдают распоряжения, направленные на осуществление схемы фиктивного банкротства.

Современные правоведы уделяют большое внимание дифференциации фиктивного и преднамеренного банкротства при криминальном анализе экономических преступлений. Так, Д.П. Простякова подчеркивает, что фиктивное банкротство в уголовном праве РФ требует чёткой дефиниции и разграничения объективно-правовых признаков преступления, поскольку сходство норм статей 196 и 197 УК РФ нередко приводит к ошибочной квалификации действий должностных лиц и предпринимателей в следственной практике [3]. Учёный также указывает на необходимость формирования рекомендаций правоприменения в виде решений Пленума Верховного Суда РФ для устранения судебной неопределённости.

Опасность фиктивного банкротства для экономической безопасности государства отражена в исследованиях К.В. Шамоновой, Д.А. Панасюка и С.А. Музалева [8]. Авторы отмечают, что злоупотребления в процедурах банкротства трансформируют институт несостоятельности из механизма рыночной саморегуляции в источник макроэкономических рисков и угроз государственной безопасности. По их мнению, фиктивные банкротства способствуют не только незаконному хищению активов, но и монополизации собственности и фрагментации правовой системы, что усиливает общий криминологический фон в экономике.

Исследовательский подход к фиктивному банкротству как угрозе экономической безопасности также представлен в работах Т.И. Антун и А.А. Филатовой [1]. Они подчеркивают, что уголовно-правовая квалификация фиктивного банкротства должна учитывать как экономические, так и юридические признаки деяния, что позволит более объективно отличать его от иных форм мошенничества и экономических правонарушений, минимизируя угрозы нарушения интересов кредиторов и государства.

В контексте уголовно-правовой политики И.М. Цветков предлагает рассматривать ст. 197 УК РФ как элемент системы превентивной защиты экономического оборота [7]. Он обосновывает необходимость смещения акцента с доказывания прямого ущерба на установление факта создания системного риска для кредиторов и контрагентов, что соответствует логике защиты публично-правовых интересов в сфере экономической безопасности.

В связи с этим, анализ позиций ученых правоведов демонстрирует отсутствие единого подхода к толкованию нормы ст. 197 УК РФ, что напрямую влияет на противоречивость судебной практики и подтверждает необходимость её дальнейшей конкретизации на законодательном и доктринальном уровнях.

Значимую роль в формировании уголовно-правового подхода к фиктивному банкротству играет судебная практика, демонстрирующая сложность доказывания данного состава преступления. Так, в решении Арбитражного суда от 13.02.2025 по делу № А33-35593/2024 отражено толкование признаков фиктивного банкротства в контексте статьи 197 УК РФ [4]. Суд подтвердил, что под фиктивным банкротством понимается именно заведомо ложное публичное объявление о несостоятельности, сделанное руководителем юридического лица либо гражданином, включая ИП, если это деяние причинило крупный ущерб. При этом суд ориентировался на требования Закона о банкротстве, обязывающего арбитражного Дневник науки | www.dnevnika.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

управляющего выявлять признаки фиктивного банкротства в ходе анализа финансового состояния должника.

В другом решении суда от 06.02.2025 по делу № А33-26853/2024 суды указали, что наличие признаков преднамеренного или фиктивного банкротства (в том числе предоставление заведомо неверных сведений о финансовом состоянии должника, действия по сокрытию или уничтожению имущества) может служить основанием для отказа в применении стандартных последствий банкротства [5]. Данная правовая позиция иллюстрирует эффективный механизм взаимодействия гражданского и уголовного права при оценке действий недобросовестного должника. В рамках судебного разбирательства происходит последовательная конвертация признаков злоупотребления процессуальными правами, выявленных в ходе конкурсного производства, в доказательственную базу для уголовного преследования. Такой подход формирует правовой барьер, исключая возможность легализации невозвратных долгов и обеспечивающий защиту законных интересов кредиторов от противоправных манипуляций в процедуре банкротства.

Таким образом, анализ доктринальных подходов и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что фиктивное банкротство в современных условиях представляет собой многоаспектную угрозу экономической безопасности Российской Федерации, выходящую за рамки формального нарушения норм уголовного законодательства. Научные позиции правоведов сходятся в признании того, что действующая уголовно-правовая конструкция статьи 197 УК РФ сталкивается с существенными трудностями в части доказывания заведомой ложности заявления о несостоятельности, установления прямого умысла и разграничения фиктивного и преднамеренного банкротства. Эти проблемы усугубляются цифровизацией экономических процессов, использованием

сложных финансовых схем и недостаточной координацией норм уголовного и банкротного законодательства.

В целях повышения эффективности уголовно-правового противодействия фиктивному банкротству и минимизации угроз экономической безопасности Российской Федерации представляется целесообразным комплексное совершенствование как уголовного, так и смежного законодательства. В научной литературе обоснованно предлагается уточнить диспозицию статьи 197 УК РФ путем нормативного закрепления критериев «заведомой ложности» заявления о банкротстве, что позволило бы снизить уровень правоприменительной неопределённости и повысить предсказуемость судебных решений.

Одновременно представляется необходимым усиление межотраслевой координации уголовного законодательства с нормами Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», в частности в части обязательного использования результатов финансово-экономического анализа и заключений арбитражных управляющих при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

Дополнительным направлением совершенствования может стать разработка единых методических рекомендаций для следственных органов и судов по выявлению признаков фиктивного банкротства с учетом современных цифровых финансовых инструментов, что будет способствовать более раннему выявлению противоправных схем и укреплению системы защиты экономических интересов государства и участников гражданского оборота.

Подводя итог, можно сделать вывод, что фиктивное банкротство представляет собой системный вызов экономической стабильности государства. Его угроза носит комплексный характер, проявляясь на

микроуровне в форме прямого имущественного ущерба кредиторам, на мезоуровне – через дискредитацию института несостоятельности, а на макроуровне – в виде факторов, провоцирующих латентную дестабилизацию хозяйственного оборота и сокращение доходной базы публичного бюджета. Уголовно-правовая норма, закреплённая в статье 197 УК РФ, в её действующей редакции не в полной мере соответствует реалиям современных криминальных схем, что выражается в проблемах доказывания оценочного признака «заведомой ложности» объявления о несостоятельности и в трудностях разграничения с иными составами преступлений в сфере экономической деятельности.

В этой связи особое значение приобретает дальнейшее совершенствование правоприменительной практики и межотраслевого взаимодействия, направленного на предупреждение злоупотреблений в сфере банкротства и укрепление экономической безопасности в целом.

Библиографический список:

1. Антун Т. И., Филатова А. А. Уголовно-правовая характеристика фиктивного банкротства как экономического преступления // Юридическая наука и практика. — 2022. — № 3. — С. 61–67.
2. Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства (утв. ФССП России 15.04.2013 N 04-4). – URL: <https://www.consultant.ru>.
3. Простякова Д. П. Проблемы разграничения преднамеренного и фиктивного банкротства в уголовном праве Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. — 2022. — № 4. — С. 45–51.

4. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 13.02.2025 по делу № А33-35593/2024 // СПС «Закон.РФ». URL: <https://www.zakonrf.info/arbsud/doc-59551b47-0d1e-5712-9b16-249c6d756ab7/> (дата обращения: 08.02.2026).

5. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 06.02.2025 по делу № А33-26853/2024 // СПС «Закон.РФ». URL: <https://www.zakonrf.info/arbsud/doc-735f351e-c125-53c4-af29-1bb63a0da56d/> (дата обращения: 08.02.2026).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

7. Цветков И.М. Уголовно-правовая охрана экономического оборота: от репрессии к превенции. – СПб.: Издательство Р.Асланова, 2021.

8. Шамонова К. В., Панасюк Д. А., Музалев С. А. Фиктивное банкротство как угроза экономической безопасности государства // Экономика и право. — 2021. — № 10. — С. 112–118.